

Н.К. Гаврюшин, доцент МДА

ЦЕРКОВЬ И МОНАРХИЧЕСКОЕ СЕКТАНТСТВО

В последние годы имя Григория Ефимовича Распутина, всесильного старца, пользовавшегося исключительным вниманием и любовью семьи последнего русского императора Николая II, определявшего назначения министров и архиереев, вмешивавшегося во все вопросы внутренней и внешней политики России, стало вновь привлекать к себе пристальное внимание. Полярность оценок его личности чрезвычайно велика.

В 1997 году Российское Отделение Валаамского Общества Америки выпустило в переводе с английского книгу Ричарда Бэттса «Пшеница и плевелы. Беспристрастно о Г.Е. Распутине», в которой делается попытка за эмоционально окрашенными и пристрастными историческими свидетельствами увидеть подлинную реальность. К материалам и выводам этой книги нам предстоит еще обратиться. Задача же настоящего исследования — своего рода «феноменологическая»: уяснить роль образа Григория Распутина в развитии русского религиозного сектантства и проникновении его идеологии в среду духовенства Русской Православной Церкви.

* * *

О так называемом «Богородичном Центре», пользовавшемся скандальной известностью во второй половине 1980-х годов, сегодня уже почти никто не вспоминает. Но это отнюдь не означает, что он прекратил свое существование. Сменилась вывеска, уточнились смысловые ак-

центы пропаганды. Теперь это уже «Новая Святая Русь», имеющая свое книгоиздательство. В 1996 году оно уже вторым изданием выпустило в свет сборник «Белый Свет России», содержащий «Откровения Божией Матери» некоему «архиепископу Иоанну», пророчества старца Григория Нового (Распутина), выдержки из книг О.А. Платонова, И.А. Ильина, свят. Игнатия Брянчанинова и ряд материалов, посвященных семье Николая II.

Отношение составителя этой книге к Московской Патриархии совершенно недвусмысленно и основано на ее противопоставлении «соловецким старцам», катакомбной церкви. Приведем лишь одну цитату: «обновленцы, а затем сергианцы, Московская патриархия, с помощью ЧК (НКВД—МГБ—КГБ) гнали тихоновскую (!? — Н. Г.) катакомбную исповедницу Церковь и клеветают на нее сейчас» (с.54). Чуть ниже составитель утверждает, что иерархами Московской Патриархии могли стать лишь сотрудники и агенты МГБ (КГБ), а вот «Церковь Божией Матери Преображающейся» открылась в 80-е годы «по благословению главы катакомбной Церкви», а с 1994 года она стала именоваться «Вселенской Марианской Церковью» (с.61).

Таким образом «Богородичный Центр», преобразованный во «Вселенскую Марианскую Церковь», свидетельствует о своей политической непорочности и претендует быть единственным легитимным представителем подлинной русской духовности. Главная духовная опора «Марианской Церкви» — «откровения Божией Матери», которые носят подчеркнуто эстатистский, хилиастический характер, поскольку именно в «Новой Святой Руси» должно осуществиться тысячелетнее царствование Христа. Божья Матерь, согласно опубликованным Богородичным Центром «откровениям», является даже «верховой главнокомандующей» русской армией...

Согласно цитируемым в этой книге материалам «Богородичного Собора» (1991), Божья Матерь сказала: «Русская армия была верна мне более Церкви. Я воспитала столько чудных полководцев!...

Я благословила Моего посланника Иоанна на встречу с министром обороны (Язовым — *Ред.*) дабы в его лице благословилась новая Россия, и с нею — армия ее...

А ныне Я, Царица Российская, помазанная на престол самим Первосвященником Иисусом, повелеваю вам: присягнуть Мне как своей Военноначальнице Верховной, пасть на колени и преклониться пред мои стопы...» (с.115).

В общем, «Красной армии» надо «побелеть от злобы» на большевиков, поставить комиссарами иереев Марианской Церкви — и дело военно-патриотического воспитания войдет в правильное русло. Озабоченность Божией Матери русским воинством дополняется совсем уже неожиданными суждениями догматического характера. На с. 127 появляется утверждение, что «Россия примет догмат о непорочном зачатии», отречение от которого, «последовавшее в XVII веке вследствие протестантских влияний, привело в России к оскудению благодати, разрушению нравов...»

Не очень понятно, о каком «отречении» здесь идет речь.

Русская Церковь никогда не знала учения о непорочном зачатии Богоматери, а католики приняли его лишь в XIX веке. Непорочное же зачатие Христа никогда на Руси сомнению не подвергалось. Надо полагать, что составитель скорее всего имел в виду первое (не позаботившись о хронологической точности), так как экуменическая программа тоже представлена в «откровениях Богоматери»: «Институциональные печати должны быть совершенно сняты, и золото добродетелей святых восточной и западной Церквей переплавлено в единую святую веру» (с.270).

Подтверждение тому — комментарий о «тварном непорочном начале» со ссылкой на «св. Максимилиана Кольбе» (с.256).

В откровениях о «Новой Святой Руси» немалую роль играет бывший император Николай, который, как мы узнаём, «короновал» Пречистую Деву на Престол России (сс. 205, 246). Так что Царица Небесная одновременно уже мистически и Царица России и главнокомандующая ее воинством...

Понятно, что, согласно этим откровениям, Богородицей установлена строгая иерархия среди небесных заступников России: «Просите Государыню Императрицу Александру о помощи в духовной брани. Моя святая дочь Александра и вслед за ней (!) ее сестра Елизавета удостоиваются чести первыми (!!)

быть принятыми мной в час вышней аудиенции, когда я слышу скорби мира и обращаю свой взор к просящим» (с.119).

Даже очень доверчивых к мистическим откровениям верующих здесь многое должно насторожить, а психопатологу уже приходится выбирать между паранойей и сознательной мистификацией...

Для полноты картины остается добавить, что «Соловецкая Церковь» уже канонизировала Государя Императора Николая, он «вечный царь Новой Святой Руси, подчиненный самой Российской Царице, Владычице Небесной, Богородице Деве Марии», о чем она сама сообщала в откровении «архиепископу Иоанну» 11.06.93 (с.117).

В 1994 году «X Марианский Собор короновал Императора Николая и Императрицу Александру на Престол Новой Святой Руси» (282), что, правда, создало некоторую неловкость с двумя императрицами при одном императоре.

Остается, пожалуй, оттенить еще несколько важных смысловых мотивов, чтобы идейный портрет «Белого Света России» выглядел в основных контурах законченным.

Цитируя книгу М. Назарова¹ «Миссия русской эмиграции» (Ставрополь, 1992), составитель утверждает, что из масонов состоял весь состав Государственной Думы 1917 года, Временное правительство, первое руководство Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов, многие члены императорской фамилии (с.133).

Чистыми агнцами в таком случае остаются только семья императора, Григорий Распутин и члены его кружка. Здесь составитель находит поддержку у ярого обличителя масонов О.А. Платонова («Правда о Григории Распутине». Саратов, 1993), книги которого продаются сегодня едва ли не в каждой церковной книжной лавке...

Автор «Тернового венца России» — книги весьма тенденциозной, наряду с бесспорными фактами и оценками исполненной множества домыслов и умолчаний² — встает на позицию кликуш и политических интриганов, которые с помощью «святого старца» Григория Распутина прямо или косвенно содействовали окончательному крушению династии Романовых.

Отделить О.А. Платонова от идеологов «Богородичного Центра» («Новой Святой Руси») невозможно. Это одна компания по тональности, лозунгам, пристрастиям, зависимости от «преданий» катакомбной («соловецкой») церкви (знают ли эти господа, что и на Соловках продолжались масонские посвящения?!)..

Остается еще осветить отношения императора с «официальной Церковью», как они представлены в «Слове Божией Матери» от 14.07.95: «Отношения Императора с официальной Церковью были крайне напряженными. Император с удивлением видел, как Церковь поддерживает многие масонские, антихристовы, европейские инициативы, как действует заодно с самыми жестокими правителями, являя дух мира (Так! — Н. Г.) и неприязни к заповеди любви и снисхождения. Император мог бы провозгласить себя главою Церкви (что не противоречило самодержавным устоям дооктябрьской России), но он желал добровольно быть избранным российским Патриархом и отречься от Престола, о чем и уведомил епископов, на что последовал решительный отказ. Иерархи того времени не привыкли говорить с Царем на языке диалога и любви: если не приказ свыше, то — своя воля.

Царь хотел отречься от Престола, поскольку ему было открыто, что преобразование России необходимо произойдет через обновление Церкви. И если бы православная Церковь, подчиняясь воле Пресвятой Богородицы, избрала Императора Николая своим Патриархом, не было бы революции 1917 г., и совершился небывалый расцвет старческого святодуховского Православия» («Белый Свет России». С.123).

Здесь — при различии в оценках, — полная историческая правда. Император Николай II и Русская Православная Церковь до революции 1917 года были в достаточно напряженных отношениях. Царь действительно препятствовал созыву Поместного Собора, действительно предлагал себя в патриархи, в назначение архиереев вмешивался Распутин.

На этом фоне идея церковного прославления царя и «друга» его семьи не могла пользоваться поддержкой до-революционного духовенства. Корни этой идеи следует искать в кругах религиозно-политического сектантства. «Богородичный Центр» в данном случае оказывается весьма ценным ориентиром.

Среди современных политических деятелей есть и такие, кто, открыто не противопоставляя себя Московской Патриархии, фактически разделяет взгляды идеологов «Белого Света России». В качестве наглядного примера можно привести высказывание известного скульптора Вячеслава Клыкова: «Православный человек может быть только монархистом. В будущей России — предстоятелем Церкви будет являться Православный Государь»³.

Как собирается В.М. Клыков восстанавливать монархию и упразднить патриаршество — вопрос в конечном счете второстепенный. Возможно, он даже и не подозревает о своем идейном единстве с «Богородичным Центром». Сектантская политизация религиозной мысли и демонстративное пренебрежение к каноническим традициям Церкви говорят сами за себя.

Истоки этой политизации восходят к началу 1920-х годов. Именно тогда вопрос об отношении Церкви к Советскому государству вызвал канонические штатания в среде духовенства, которые привели в конечном счете к образованию двух раскольнических сообществ (не имеющих канонических отношений с Русской Православной Церковью и другими Поместными Церквями) — так называемой Русской Зарубежной Церкви и подпольной, катакомбной («Соловецкой»).

Здесь, на почве непреодолимой ненависти к Советской власти, и подогревались монархические мечтания и культ «святого старца» Григория Распутина, хотя эти умонастроения разделялись далеко не всеми, а время их кульминации — не ранее 80-х годов.

С двух сторон, таким образом, достигали они умов и сердец религиозных диссидентов в СССР (а в православие тогда приходили не только через покаяние, но и через **ненависть** к марксизму). Фотография Государя Императора Николая II в домашнем иконостасе у молодого батюшки, недавнего выпускника университета, становилась символом новейшей религиозности. Клирики с таким двоящимся, политизированным в монархическом духе сознанием вошли и в ряды православного духовенства Московского Патриархата, причем в целом ряде отношений идеология «Богородичного Центра» им заведомо ближе, чем декларация о лояльности Советскому государству 1927 года, подписанная заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским)... Где, в каких храмах служили бы эти батюшки, не появившись декларация 1927 года — большой вопрос. Но их самих гораздо больше занимает легитимность постановлений Всероссийского Церковного Собора 1917 года, которые не были подтверждены императором...

Как яркий пример монархической увлеченности современной церковной интеллигенции можно привести роскошно, во вкусе «серебряного века» изданную книгу «**Regnum Aeternum**» I (Москва—Париж. 1996, 240 с.). В редакционном совете этого сборника — протоиерей В. Асмус, В.Г. Мороз, С. Пален, Лоран де Ру. Как нетрудно заключить из содержания, участие первого из упомянутых лиц по меньшей мере в **семи** из публикуемых материалов очевидно, и его можно считать ведущим идеологом издания.

В предисловии, озаглавленном «Царство вечное», прославляется «константиновский» период церковной истории, который, по мнению авторов, длился с IV века по

1917 год. По сравнению с эпохой гонений, когда можно было говорить только о «Церкви избранных», всенародная, «всемирная» Церковь этого периода «в большей степени» отвечает своему призванию (с.8)... В ней «высокое место» занимает Государь, она во многом «отождествилась с Царством» и вообще «именно Государи создали в истории всенародную Церковь» (с.9). Призванная «сопрячь все народы и все времена», Церковь должна быть именно «Церковью имперской» (с.10).

По мнению одного из авторов сборника, Вл. Волкова, «если бы на Руси существовал викарий Христа, это был бы царь» (с.18). Цезарепапизм и папоцезаризм легко находят общий язык — ведь и для того, и для другого определяющим уразумением Церкви является понятие внешней власти, а не духовной свободы.

Эту мысль наглядно подтверждает протоиерей В. Асмус своей статьей «Седьмой Вселенский Собор 787 г. и власть Императора в Церкви». Приведем из нее лишь одну цитату:

«VI Вселенский Собор лишней раз продемонстрировал то, что можно смело назвать **императорской непогрешимостью** (выделено мною — Н. Г.): Константин II, явно виновный в ереси, не был осужден, как вообще никогда ни один Вселенский Собор не осудил ни одного императора. И дело, конечно, не в одном лишь “сервилизме” и знаменитом “византизме”: усвоенное Церковью теократическое понимание значения царей не допускало анафематствования кого бы то ни было из них, в то время как епископы и патриархи, в том числе и римские, бывали отлучаемы и анафематствуемы» (с.49).

По степени дерзновенности прот. В. Асмус никак не уступает I Ватиканскому Собору (1870), принявшему догмат о **папской непогрешимости**. Свою богословскую новацию почтенный клирик оснастил многообразным декорумом, разбросанным по страницам сборника. Ключевое значение здесь имеет публикация 34—36 параграфов «Философии культа» свящ. Павла

Флоренского (в которой, заметим в скобках, православное богословие таинств подменяется откровенной теософской мистификацией)⁴.

Утверждая, что о. Павел выводит монархизм «из основ христианской веры», о. Асмус ссылается на «недавно опубликованный документ», датируемый 1933 годом, в котором о. Павел «прямо говорит, что он чае явления самодержца (как бы он ни назывался — императором или еще как-нибудь), который, правя по божественному праву, обновит культуру и возродит духовную жизнь человечества» (с. 201). Таким образом, два иерея Христовых ставят **духовную жизнь** в зависимость от наличия внешнего повелителя — императора...

Поскольку никаких цитат из упомянутого документа о. Валентин Асмус не приводит, мы считаем необходимым предложить читателю несколько выдержек из этой работы, дабы каждый мог судить о глубине правосмыслия и социальной прозорливости Флоренского: «Здесь ничего не говорится о церкви православной потому, что она по формальным правам не должна занимать места преимущественного пред другими религиозными организациями. Однако это не значит, что правительство не видит разницы между различными религиями. Православная церковь в своем современном [виде] существовать не может и неминуемо **разложится** окончательно; как поддержка ее, так и **борьба** против нее поведет к укреплению тех **устоев**, которым время уйти в прошлое, и вм[есте с тем] задержит рост молодых **побегов**, которые вырастут там, где сейчас их **менее** [всего ждут]... Это будет уже не старая и безжизненная религия, а вопль изголодавшихся духом, **которые** сами, без понуканий и зазываний **создадут** свою религиозную организацию. Это будет через 10—15 лет, а до тех пор должна быть пауза, пустота и молчание»...

«В основе внутренней политики государства лежит принципиальный запрет каких бы то ни было партий и организаций политического характера»...

«В убеждении ядовитости культуры распадающихся капиталистических государств обсуждаемый строй постарается сократить сношения с этими последними до той меры, которая необходима с целью информирования о научно-технических и других успехах их. Для иностранцев граница его тоже будет почти закрытой...»

«Слабостью Временного правительства и правления Керенского анархия у нас была допущена, и лишь длительными усилиями советской власти к настоящему времени подавлена (да и то не сполна)... Порядок, достигнутый советской властью, должен быть углубляем и укрепляем, но никак не растворен при переходе к новому строю»...

«Очевидно, усилия современной государственной жизни достаточно обнаруживают необходимость единоначалия, если даже страны с демократическими привычками вынуждены от таковых отказываться»⁵.

По логике Флоренского—Асмуса лучшим предстоятелем новой церкви «изголодавшихся духом» независимо от харизмы миропомазания был бы повелитель-диктатор типа И.В. Сталина, а вещания «Богородичного Центра» и суть тот самый «воплъ» новосозданной религиозной организации, который автор «Столпа и утверждения Истины» противопоставил «старой» и «безжизненной» конфессии...

На фоне всего сказанного призывы о. В. Асмуса к скорейшей канонизации Флоренского уместнее всего было бы обратить именно к «архиепископу Иоанну», который, скорее всего, не откажется и от императорского титула, будь ему таковой предложен.

Несколько дополнительных штрихов к идеологии церковного монархизма дает статья П[ротоиерея] В[алентина] А[смуса] «Архиепископ Марсель Лефевр и католицизм XX века». Пространно цитируя вызывающие у него несомненное сочувствие высказывания мятежного французского католика, боровшегося с модернизмом и экуменизмом, о. Валентин делает особый

акцент на утверждении **церковного авторитета** и критике понятия **религиозной свободы**: «всякий авторитет происходит от Бога и участвует в авторитете Божиим» (с.229).

Утверждение это — очень сильное и с точки зрения христианского богословия отнюдь не бесспорное⁶. А каждый сепаратист и сектант готов трактовать его по своему. Решительный сторонник жесткой церковной власти, М. Лефевр, порвал отношения с Римом, который, как ему казалось, делает слишком много уступок либерализму. По словам о. В. Асмуса, он избрал «принадлежность к Церкви всех времен с отказом принадлежать к Церкви реформированной и либеральной» (с.231). Принцип **послушания власти**, как видно, обязателен для всех, кроме идеологов, особенно яростно этот принцип защищающих...

Но самое существенное в другом: принцип **власти** и **авторитета** равным счетом никак не выделяет христианство из других мировых религий. Повиновения власти и авторитету требуют и ислам, и иудаизм, равно имеющие и свое Священное Писание, и Предание... Благоразумный Разбойник не мог видеть у распятого на кресте Спасителя каких-либо **символов власти**; напротив, ему дано было стать свидетелем крайнего уничижения, терпения и любви Сына Человеческого. И Церковь Христова привлекает к себе не насилием, не запугиванием и не **авторитетом**, а **свидетельством** о любви Христа к миру, Его отвергающему и Его распинающему. Для такого свидетельства не нужны ни империя, ни власть, ни авторитет.

Кто **требовал** повиновения себе, так это Григорий Ефимович Распутин...

В сборнике «**Regnum Aeternum**» перепечатываются две статьи известного идеолога «монархической государственности» Льва Тихомирова (1852—1923), посвященные императору Александру III. Как относился Л.А. Тихомиров к Распутину мы подробно рас-

скажем чуть ниже, но на фоне его положительной, сочувственной оценки деятельности Александра III очень уместно будет напомнить, что думал он о царствовании Николая II.

«Промелькнуло царствование Александра III. Началось новое царствование. Нельзя придумать ничего более противоположного! Он просто с первого дня начал, не имея даже и подозрения об этом, полный развал всего, всех основ дела отца своего и, конечно, даже не понимал этого, т.е., значит, не понимал, в чем сущность царствования отца. С новым царствованием на престол взошел “русский интеллигент”, не революционного, конечно, типа, а “либерального”, слабосильного, рыхлого, “прекраснодушного” типа, абсолютно не понимающего действительных законов жизни»⁷.

Неизбежным следствием этого непонимания явилась распутищина: реальная власть религиозного сектанта, осуществляемая через добровольно подчинившуюся ей царскую семью.

Вот мнение последнего министра внутренних дел царского правительства А.Д. Протопопова (1866—1918), который сам был ставленником Г. Распутина и превосходно знал механизмы принятия высочайших решений:

«Верховная власть была под влияниями:

Государь — умный и расположенный делать добро, нервный, упрямый и переменчивый, очень изверившийся в людях. Нелюбимый придворными, которые его боялись: “равнодушно устранил человека, которого недавно ласкал” (характеристика Распутина). Он оставался *вещателем власти* до конца. Мнительно относился к этому своему праву, не любил, когда чувствовал, что уступает другому.

Государыня — дополняла свою волею волю царя и направляла ее. Имела большое влияние. Твердый характер — нелегко сближалась с человеком, но полагаться на нее, по словам всех и моему впечатлению, было возможно, — раз расположение было приобретено (хотя

за последние недели я заметил в ней некоторую перемену).

Вырубова — друг царицы, ее доверенный в течение многих лет несчастливой жизни. К Вырубовой и у царя была большая привычка и заботливое к ней отношение (часто все же его сердила ненадолго своею простотою ума); фонограф слов и внушений и всецело Распутину преданная, послушная и покорная. Государственной мысли своей нет, механически передавала слышанное.

Распутин — связь власти с миром. Доверенный толкователь происходящих движений, ценитель людей. Большое влияние на царя, громадное на царицу. По словам царицы, он выучил ее верить и молиться Богу; ставил на поклоны, внушал ей спокойствие и сон. Через мать и отца Распутин стал совсем свой и влиял на всю семью — молился со всеми. Всякий другой, подходя к царю, встретил бы на своем пути волю царицы; Распутин же имел не только ее поддержку, но послушание, поклонение Вырубовой и любовь царских детей. Царя звал папой. Царицу мамой. Говорил всем на "ты". Забота и внимание к нему со стороны царицы было особое: его рубашки были ею вышиты, шелковые, крест на шее был золотой на золотой цепи и застежка была Н с буквою государя. Разговор Распутина с царем и царицею был твердый, уверенный. Я сам никогда их вместе не видал, но получал совет от Вырубовой и царицы говорить с царем определенно, покойно и тверже: "так Григорий Ефимович говорил". Мое убеждение, что Распутин имел гипнотическую силу. Ум у него был пронизательный, совсем только не образованный, — и в обществе людей мало знакомых он держал себя будто ненормальный человек. При знакомых же это у него не проявлялось. Любил вино и был несомненно эротоман. Был ли он хлыст? Не знаю, но сектантское в нем было — подчас его манеры напоминали сектантского начетчика, только более властного. Гофштеттер, с которым мне раз

пришлось говорить про Распутина, его хлыстовство отрицал, но я слышал, что в синоде есть о нем дело, которое было прекращено несколько лет тому назад»⁸.

Таким образом, отделить царскую семью от Г.Е. Распутина невозможно.

Опираясь на многочисленные «откровения Богоматери», частично цитированные выше, «архиепископ Иоанн» пишет: «Старец Григорий был для императорской четы олицетворением российской святости и богоносности. Государь буквально трепетал перед “другом”, как его ласково называли император Николай и царица Александра» («Белый Свет России». С.204).

Аналогичную позицию занимают и некоторые клирики Московского Патриархата, участвующие в кампании по подготовке канонизации царской семьи. На одном из собраний московской церковной общности лет десять назад о. Валентин Асмус во всеуслышание заявил, что «очернение» Григория Распутина «выгодно только врагам России».

В 1916 году у России, видимо, было очень много «внутренних» врагов, ибо увлечение императрицы «святым старцем» вообще мало кто одобрял. Опираясь на свидетельства и воспоминания самых различных деятелей дореволюционной эпохи, попытаемся разобраться, могли ли тогда в церковной среде возникнуть хоть малейшие предпосылки почитания «святости» старца Григория, не закрывая, разумеется, глаза и на отношение современников к августейшей семье.

Вот несколько записей из дневников ЛЬВА ТИХОМИРОВА.

13 ноября 1910 года: «Вчера был у меня проездом Ипполит Гофштеттер с юга в СПб. Рассказывал, что Гришка Распутин “вполне оправдался” перед царем и царицей, был у них и пользуется “громадным влиянием” и “нежной любовью”. Ипполитке это по сердцу, он и сам обожатель Гришки... А мне он всю душу перевернул. Не спасись им. “Мани, факел, фарес” [Дан.5,

25 — Н. Г.]. Уж какое тут царство с Гришками Распутиными»⁹.

25 марта 1910 года: «Этот Григорий Распутин — развратный и жадный “блаженный старец” (он молод, вряд ли больше 40 лет), но обладает какой-то гипнотической силой чарования, будто бы угадывает мысли и даже “будущее”. Вместе с этим он отчаянный “черносотенец”, так что сами же “черносотенцы” и рекомендовали его. Это особенно грех епископа Феофана, ректора СПб академии. Теперь он расчухал, что за штучка Григорий, да уже поздно. Влияние Гришки оказывается сильнее его.

В Петербургском высшем свете — у Танеевых, у Пистолькорс и т.д. — Гришка свой и обожаемый человек. Он действует на чувственность женщин, приучая их к “ангельской чистоте”... Делает мерзости...

Я видел его фотографию: мерзкая рожа с поразительными глазами. Должно быть, в этих глазах страшная сила.

Но какое ужасное время! Какая гниль мистического разврата перемешана с тупым неверием и развратом материалистическим. И вся эта грязная тина обволакивает людей до самых верхов»¹⁰.

22 января 1912 года: «Сегодня газетам сообщена “покорнейшая просьба” мин. внутр. дел **ничего не печатать о Григории Распутине**. Какой нестерпимый позор для царской фамилии. Они себя губят. Я даже и в истории не помню такого позора».

28 января 1912 года: «Два страшных факта ясны: 1) сила Распутина при дворе, 2) союзничество Саблера с Распутиным.

Ясно и последствие — 3) ужасные рассказы о государыне и государе, способные иметь роковые последствия при распространении в народе.

Над нами тяготеет какой-то страшный рок».

29 января 1912 года: «Этот подлый Гришка и его бесовская власть — просто гнетут душу».

18 февраля 1912 года: «В Петербурге неслыханные пучины распутинского болота... Даже во сне не может привидеться ничего подобного»¹¹.

Таковы впечатления и оценки виднейшего идеолога «монархической государственности».

А вот что думал в ноябре 1916 года другой монархист, позднее редактор газеты Добровольческой армии Деникина «Великая Россия» ВАСИЛИЙ ШУЛЬГИН (1878—1976):

«Есть страшный червь, который точит, словно шашель, ствол России. Уже всю сердцевину изъел, быть может, уже нет и ствола, а только одна трехсотлетняя кора еще держится...

И тут лекарства нет...

Здесь нельзя бороться... Это то, что убивает...

Имя этому смертельному: Распутин!!!» [...]

«Он убивает потому, что он двуликий...

Царской семье он обернул свое лицо “старца”, глядя в которое царице кажется, что дух Божий почивает на святом человеке... А России он повернул свою развратную рожу, пьяную и похотливую, рожу лешего-сатира из тобольской тайги... И из этого — все...

Ропот идет по всей стране, негодующий на то, что Распутин в покоях царицы...

А в покоях царя и царицы — недоумение и горькая обида... Чего это люди беснуются?.. Что этот святой человек молится о несчастном наследнике?.. О тяжелобольном ребенке, которому каждое неосторожное движение грозит смертью — это их возмущает. За что?.. Почему?..

Так этот посланец смерти стал между троном и Россией... Он убивает, потому что он двуликий...»

Вскоре после убийства Распутина ШУЛЬГИН так оценивает это событие:

«...при всей его бесцельности, убийство Распутина было актом глубоко-монархическим...

Так его и поняли...

Когда известие о происшедшем дошло до Москвы (это было вечером) и проникло в театры, публика потребовала исполнения гимна.

И раздалось, может быть, в последний раз в Москве:
Боже, царя храни...

Никогда эта молитва не имела такого глубокого смысла...»¹².

Обратимся теперь к воспоминаниям митрополита Евлогия (ГЕОРГИЕВСКОГО; 1868—1948), в которых есть и свидетельство об отношении к происходившему при царском дворе великой княгини ЕЛИЗАВЕТЫ ФЕДОРОВНЫ, прославленной Церковью в лике святых:

«Во время пребывания в Марфо-Мариинской обители мне довелось беседовать с Великой Княгиней Елизаветой Федоровной. В беседе со мной Великая Княгиня откровенно и неодобрительно отзывалась о Государыне.

— Как это может быть, что Государыня, образованный человек, доктор философии, а нас не понимает? — спросил я.

— Какая она образованная! Она решительно ничего не понимает, — сказала Великая Княгиня.

Я узнал, что незадолго до нашей беседы Великой Княгине Елизавете Федоровне было предложено покинуть Царское Село, потому что ее критическое отношение к тому, что при Дворе происходило, не понравилось... [...]

Отъезд мой из Луцка совпал со следующим обстоятельством. Я приехал на вокзал, купил газету, развернул ее — и вижу заголовок: “Убийство Распутина”... Первое впечатление, которое не изгладилось и впоследствии, — вздох облегчения. Темная сила отошла... [...]

Во время болезни я ближе познакомился с моим хирургом, доктором Истоминым. По политическим убеждениям он был левый. Ежедневно он приносил мне новости одна другой ужасней, одна другой позорней...

Так, например, сообщил о поезде Императрицы, прибывшем с фронта пустым: офицеры предпочитали лучше лежать в теплушках, нежели пользоваться поездом Царицы, настолько имя ее на фронте было скомпрометировано. Возражать Истомину мне становилось все труднее»¹³.

Знаменитый русский полководец ГЕНЕРАЛ АЛЕКСЕЙ БРУСИЛОВ (1853—1926) в своих воспоминаниях кратко касается царствования Николая II и роли Распутина:

«...Ко времени воцарения Николая II русская держава лишь по наружности была спокойна и сильна. Бессмысленная война с Японией вызвала революцию. Заключить союз с Францией, много лет готовиться к войне на Западном фронте и неожиданно разбить себе лоб в дальневосточной авантюре — все это было, несомненно, безрассудно. Этим Николай II расстроил боеспособность русской армии, финансы государства и заставил “за здорово живешь” пролить бессмысленно море русской крови. Первый акт русской революции 1905—1907 годов и вызван был этой преступной детской затеей. Это было первое и очень важное предупреждение провидения, что в государстве неблагополучно и что нужно принять серьезные радикальные меры [...]

Весьма характерно, что к этому же времени вылезли разные проходимцы, которые, пользуясь мистическим настроением психически больной царицы, стали играть серьезную роль в жизни царской четы и тем влиять на управление государством, что восстановило все серьезные круги общественных и государственных деятелей, окончательно изолировав самих царя и царицу, оставшихся в среде так называемой дворцовой камарильи. Тут выступает на сцену Распутин, начинающий играть серьезную роль в управлении Россией. Во многом это напоминает последние годы царствования Людовика XVI и Марии-Антуанетты во Франции [...]

В добавление ко всем этим бедствиям Верховный Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич был смещен, и сам царь взял бразды в руки, назначив себя Верховным Главнокомандующим»¹⁴.

Весьма лаконично, но вполне недвусмысленно описывает состояние верховной власти в России ГРАФ АЛЕКСЕЙ ИГНАТЬЕВ (1877—1954), в ту пору русский военный агент во Франции: «Приезжавшие из России офицеры глухо и осторожно объясняли, что высшие посты предоставляются по указаниям Распутина. Но мысль, что на государственные дела может иметь хотя бы даже отдаленное влияние какой-то развратный полупьяный мужик, не укладывалась в моей голове. Много, что говорилось о Распутине, хотелось в то время приписывать сплетням, и только его таинственное убийство уже оказалось былью. К чему только князю Юсупову и великому князю Дмитрию Павловичу марасть руки о подобную нечисть! Вероятно, иначе они с ним покончить не могли»¹⁵.

АКАДЕМИК, АДМИРАЛ ФЛОТА АЛЕКСАНДР КРЫЛОВ (1863—1945) до революции был главным инспектором русского кораблестроения. Политических пристрастий не имел. На ситуацию «в верхах» смотрел с позиций военного инженера-практика. Вот что он пишет:

«После революции была опубликована переписка между царицей, бывшей в Царском Селе, и царем в Ставке; тогда же был опубликован и дневник французского посла Палеолога. Эти две книги надо читать параллельно, с разностью примерно в 4—5 дней между временем письма и дневника. Видно, что письма царицы к царю перлюстрировались, и их содержание становилось известным. Например, царица пишет: “Генерал-губернатор такой-то (следует фамилия), по словам нашего друга, не на месте, следует его сменить”. У Палеолога дней через пять записано: “По городским слухам, положение губернатора такого-то пошатнулось и говорят о предстоящей его смене”.

Еще через несколько дней: “Слухи оправдались, такой-то смежен и вместо него назначен X”.

Но это еще не столь важно, но вот дальше чего идти было некуда.

Царица пишет: “Наш друг советует послать 9-ю армию на Ригу, не слушай Алексева (начальник штаба верховного главнокомандующего при Николае II), ведь ты главнокомандующий...”, — и в угоду словам “нашего друга” 9-я армия посылается на Ригу и терпит жестокое поражение.

Недаром была общая радость в Петербурге, когда стало известно, что Гришка убит Пуришкевичем и великим князем Дмитрием Павловичем.

Конечно, и армия понимала, кто ею командует. Февральская революция была подготовлена»¹⁶.

Здесь уместно будет напомнить, что сразу по отречении Николая II от престола отрицательное отношение к его личности было широко распространено и выражалось в форме даже крайне агрессивной. А.Ф. КЕРЕНСКИЙ, намеревавшийся помочь царской семье эмигрировать в Англию, так вспоминает о событиях 7 марта 1917 года:

«Я сам 7 (20) марта в заседании Московского совета, отвечая на яростные крики: “Смерть царю, казните царя”, — сказал: “Этого никогда не будет, пока мы у власти”»¹⁷.

Этот эпизод подтверждают и воспоминания меньшевика Н.Н. СУХАНОВА, однако, с немаловажным дополнением:

«Перебирая в уме фигуры Чайковского, Чарнолусского, Станкевича и прочих правых членов, украшенных офицерскими эполетами или без них, я не припоминаю все же ни одного выступления в духе Керенского, не припоминаю ни слова против того, что Николая необходимо задержать в стране»¹⁸.

Доверия к бывшему монарху было немного. И одна из главных тому причин — деятельность Распутина.

«Царь, — пишет посол Англии в России Дж. Бьюкенен, — советовался с Распутиным и по военным, и по политическим вопросам, а Распутин имел привычку повторять своим друзьям все, что он слышал в Царском. Таким косвенным путем Германия получала много полезных сведений. Не будучи ее постоянным агентом, он все же оказывал ей немало услуг, дискредитируя царскую власть и тем подготавливая путь революции»¹⁹.

А как смотрел на все происходящее певец русской природы, далекий от политической борьбы ПИСАТЕЛЬ Михаил Пришвин (1873—1954)?

Вот несколько записей из его дневников:

5 декабря 1916 года: «О Распутине. Наглые глаза. Руку поглаживает — женщина все испытывает. В этой среде только про это и думают».

3 апреля 1917 года: «Творчество порядка и законности совершается народом через своих избранников. Таким избранником был у нас царь, который в религиозном освящении творческого акта рождения народного закона есть помазанник Божий. Этот царь Николай прежде всего сам перестал верить в себя как Божьего помазанника, и недостающую ему веру он занял у Распутина, который и захватил власть и втоптал ее в грязь. Распутин, хлыст — символ разложения церкви и царь Николай — символ разложения государства соединились в одно для гибели старого порядка. (Народ вопил об измене).

И все-таки это еще неизвестно, была ли в “измене” царицы и Распутина “злая воля”».

15 июня 1917 года [мысленный диалог с М. Горьким]: «И почему вы так нападали на Распутина? Чем этот осколок хлыстовства хуже осколка марксизма? А по существу, по идее, чем хлыстовство хуже марксизма? Голубиная чистота духа лежит в основе хлыстовства, так же как правда материи заложена в основу марксизма. И путь ваш одинаков: искушаемые врагами рода человеческого хлыстовские пророки и марксистские ораторы

бросаются с высоты на землю, захватывают духовную и материальную власть над человеком и погибают, развращенные этой властью, оставляя после себя соблазн и разврат.

Царь погиб в хлыстовской грязи от раздробления и распыления неба (духовного целого), а вы погибнете от раздробления земли.

Мало ли что вы кричите: “Соединяйтесь, организуйтесь!”. И там говорили не “Я”, а “Мы, Божиею милостью”²⁰.

Известный публицист — монархист Михаил Меньшиков (1859—1918), расстрелянный чекистами на глазах шестерых его малолетних детей близ Иверского монастыря на Валдае, оставил в своем дневнике первые впечатления о гибели Николая II, видя в ней неизбежное следствие «распутинщины»:

«7/20.VII [1918]... Днем. “Николай II расстрелян”. Сразу пришло официальное известие. Тяжелая тоска на сердце. Зачем эта кровь? [...] Без суда, без следствия, по приговору какой-то кучки людей, которых никто не знает... При жизни Николая II я не чувствовал к нему никакого уважения и нередко ощущал жгучую ненависть за его непостижимо глупые, вытекавшие из упрямства и мелкого самодурства решения. Иначе как ненавистью я не могу назвать чувство, вспыхнувшее во мне после японского и затем немецкого поражения, когда выяснилось, что весь позор этот — следствие неготовности нашей и отвратительного подбора генералов и министров. Это я ставил в вину царю как **хозяину**. Ничтожный был человек в смысле хозяина. Но все-таки жаль несчастного, глубоко несчастного человека: более трагической фигуры “Человека не на месте” я не знаю. Он был плох, но посмотрите, какой человеческой дрянью его окружил родной народ! От Победоносцева до Гришки Распутина все были внушители безумных, пустых идей. Все царю завязывали глаза, каждый своим платком, и не мудрено, что на виду

живой действительности он дошел до края пропасти и рухнул в нее...»²¹.

В воспоминаниях председателя IV Государственной Думы МИХАИЛА РОДЗЯНКО (1859—1924) имеются свидетельства об отношении к Распутину не только самого автора, но и ряда других видных исторических лиц. Сознавая косвенный характер этого источника, принять его во внимание, стремясь к полноте картины, совершенно необходимо.

Здесь, во-первых, мы находим рассказ о встрече Распутина с ГРАФОМ ПЕТРОМ СТОЛЫПИНЫМ (1862—1911), который настоял на его удалении из Петербурга: «Он бегал по мне своими белесоватыми глазами, — говорил Столыпин, — и произносил какие-то загадочные и бессвязные изречения из Священного Писания, как-то необычно водил руками, и я чувствовал, что во мне пробуждается непреодолимое отвращение к этой гадине, сидящей напротив меня. Но я понимал, что в этом человеке большая сила гипноза и что он на меня производит какое-то довольно сильное, правда отталкивающее, но все же моральное впечатление»²².

Не менее любопытен передаваемый Родзянко разговор с ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕЙ МАРИЕЙ ПАВЛОВНОЙ, происходивший в присутствии ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА КИРИЛЛОВИЧА вскоре после убийства Распутина, в январе 1917 года. В это время ставленник Распутина Протопопов, по словам РОДЗЯНКО, «не только продолжал играть в Царском роль, но и, по-видимому, заменил Распутина. Рассказывали, что он занимается спиритизмом и вызывает дух Распутина»²³.

В беседе с РОДЗЯНКО «великая княгиня стала говорить о создавшемся внутреннем положении, о бездарности правительства, о Протопопове и об императрице. При упоминании ее имени она стала более волноваться, находила вредным ее влияние и вмешательство во все дела, говорила, что она губит страну»²⁴.

В воспоминаниях Родзянко довольно много фактов, отчасти известных и из других источников, например, о финансовых махинациях связанных с Распутиным банкиров (Д. Рубинштейн и др.), протезировании им церковных иерархов (митрополит Питирим), связях с хлыстовством и т.д. Родзянко утверждает даже, что готовя доклад императору, держал в руках вырезки из иностранных газет, в которых говорилось, что «на ма-сонском съезде в Брюсселе, кажется, в 1909 или 1910 г., проводилась мысль, что Распутин — удобное орудие для проведения в России лозунгов партии и что под разлагающим его влиянием династия не продержится более двух лет»²⁵. Распутина, впрочем, привели ко двору не масоны, а сами православные иерархи, о чем еще речь впереди. А вот чьим он был орудием, мы не возьмем на себя смелость судить. Ограничимся лишь констатацией того впечатления, которое производила на Родзянко «планомерность действий распутинского кружка»²⁶ (обер-прокурор Св. Синода В.К. Саблер, его товарищ /заместитель/ Даманский, законоучитель царских детей протоиерей Александр Васильев, митрополит Питирим, генерал Воейков, гофмейстер А. Танеев, его дочь Г. Вырубова, Б.В. Штюмер /председатель совета министров/ и др.)

Воспоминания М.В. Родзянко отчасти дополняют свидетельства дочери ПЕТРА СТОЛЫПИНА МАРИИ ПЕТРОВНЫ БОК:

«Хотя Распутин в те годы не достиг еще апогея своей печальной славы, — пишет М.П. Бок, — близость его к царской семье уже начинала возбуждать толки и пересуды в обществе. Мне, конечно было известно, насколько отрицательно отец мой относится к этому человеку, но меня интересовало, неужели нет никакой возможности открыть глаза государю, правильно осветив фигуру “старца”! В этом смысле я и навела раз разговор на эту тему. Услышав имя Распутина, мой отец болезненно сморщился и сказал с глубокой печалью в голосе:

— Ничего сделать нельзя. Я каждый раз, как к этому представляется случай, предостерегаю государя. Но вот, что он мне недавно ответил: “Я с Вами согласен, Петр Аркадьевич, но пусть будет лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы”. Конечно, все дело в этом. Императрица больна, серьезно больна, она верит, что Распутин один на всем свете может помочь наследнику, и разубедить ее в этом выше человеческих сил» [...]

«В другой раз папа говорил мне:

— Какая разница между императрицей Александрой Федоровной и ее сестрой. Великая княгиня Елизавета Федоровна, — это женщина не только святой жизни, но и женщина поразительно энергичная, логично мыслящая и с выдержкой, доводящая до конца всякое дело [...] Это женщина, перед которой можно преклоняться»²⁷.

Особую ценность представляют воспоминания МИТРОПОЛИТА ВЕНИАМИНА (ФЕДЧЕНКОВА; 1880—1961), непосредственного свидетеля первого знакомства Г.Е. Распутина с духовником царской семьи архимандритом (впоследствии архиепископом) Феофаном (Быстровым).

«На первом знакомстве в квартире ректора академии, кроме о. Феофана и трех-четырех приглашенных студентов, был и я. Распутин сразу произвел на меня сильное впечатление, как необычайной напряженностью своей личности (он был точно натянутый лук или пружина), так и острым пониманием души: например, мне он тут же строго задал вопрос: “Что же? Чиновник или монах будешь?” Об этом моем тайном намерении знал только один о. Феофан, никто другой. При таком “прозорливом” вопросе гостя он так и засиял. О. Феофан всегда искал “Божиих людей” в природе, были и другие примеры в его жизни до и после Распутина. Другим студентам Распутин не сказал ничего особого... Знаю я другие факты его глубокого зрения. И, конечно, он этим производил большое впечатление на людей. Епископ

Сергий, однако, не сделался его почитателем. И, кажется, Распутин никогда больше не посещал его. *Будущий Патриарший Местоблюститель* был человеком трезвого духа, ровного настроения и спокойно-критического ума. Но зато о. Феофан всецело увлекся пришельцем, увидев в нем конкретный образ “Раба Божия”, “святого человека”. И Распутин расположился к нему особенно. Начались частые свидания их. Я, как один из близких почитателей о. Феофана, тоже уверовал в святость “старца” и был постоянным слушателем бесед его с моим инспектором. А говорил он всегда очень остроумно. [...]

Он не был никаким гипнотизером или шарлатаном, а просто своей силой действовал на людей. Нельзя забывать, что ученый монах и богослов о. Феофан чтит его как святого и всегда (в начале) был в радости от общения с ним. Чему же удивляться, если и в царском доме, и у великих князей увлекались им? А царица несомненно была религиозною женщиной. И вдруг такой наставник и утешитель! Да еще в труднейшую эпоху: после неудачной войны с Японией, во время первой революции, а потом и во время первой войны с немцами.

Всякому верующему человеку при таких условиях захотелось бы услышать голос “человека Божия”... Легко сказать: святому Бог открыл то и то... А царица считала его за святого. [...]

Потом постепенно начали вскрываться некоторые стороны против Распутина. Епископ Феофан (он тогда уже был ректором академии) и я увещевали его изменить образ жизни, но это было уже поздно, он шел по своему пути. Епископ Феофан был у царя и царицы, убеждал уже их быть осторожными в отношении Г. Е., но ответом было раздражение царицы, очень чувствительно отразившееся на здоровье ее. Потом выявились совершенно точные, документальные факты, епископ Феофан порвал с Распутиным. По его поручению я дал сведения для двора через князя О., ездил к другим, но нас мало слушали, он был сильнее.

Тогда царь затребовал документы; часть из них была передана епископом Феофаном мне на хранение. И я, сняв с них копии, отвез в Петербург, митрополиту Антонию для передачи царю. Ничто не изменило дела. Пыгался воздействовать Санкт-Петербургский митрополит Владимир, но без успеха, был за то (как говорили) переведен в Киев, где его в 1918 году убили большевики. На место его был назначен митрополит Питирим, удаленный при революции. Обращались к царю члены Государственного совета — напрасно. Впал в немилость за то же и новый обер-прокурор Синода А.Д. Самарин, очень чистый человек. Отстранен был и Л.А. Тихомиров, бывший революционер-народоволец, а потом защитник идеи самодержавия и друг царя. Собралась однажды группа интеллигентов написать “открытое письмо” царю, но Тихомиров убедил их не делать этого: “Все бесполезно! Господь закрыл очи царя и никто не может изменить этого. Революции все равно неизбежно придет, но я, — говорил он, — дал клятву Богу не принимать больше никакого участия в ней. Революция — от дьявола. А вы своим письмом не остановите, а лишь ускорите ее. Моей подписи не будет под письмом”.

Группа согласилась с ним и письмо не было выпущено.

Возмущение против влияния Распутина все росло, а вместе с тем росли и нападки на царский дом. Тогда решено было устранить его. Произошло известное событие в доме князя Ю.

Но царица осталась верной себе: она и по смерти Р. ездила на его могилу.

После революции могила и прах его были уничтожены. Так трагически кончилась эта печальная страница.

Один из выдающихся архиереев на интимный вопрос верующего дворянина из выдающейся старой родовитой семьи Б. ответил ему в том смысле, что так-де и нужно. Но Б. еще более смутился от такого письма потому, что подобное убийство казалось ему очень грозным признаком, который этим не останавливал революцию,

а несравненно сильнее толкал ее вперед. Скоро разразилась и она...

Еще осталось сказать о смерти царской фамилии.

Тяжкая драма русской истории! Что бы ни говорили, это убийство лежит виной и на тех кто это сделал, и на тех, кто вел к тому десятилетиями, и на тех, кто молчаливо-хладнокровно принял самое событие. Я принял холодно даже и у нас в Крыму при господстве белых [...]

После (1920 года), в особом послании, среди других грехов, мы каялись и в этом убийстве, но и тогда не было глубокой печали [...]

Однако очень греховно пользоваться этим трагическим концом для политической пропаганды и для разжигания злобы в сердцах эмигрантов. Между тем, так делалось многими в Европе и в Америке»²⁸.

Искренние свидетельства и признания митрополита Вениамина получили для автора этих строк особое значение благодаря близкому знакомству в конце 1970-х годов с Евгенией Александровной Ольхиной (1897—1983), хорошо знавшей владыку еще в эмиграции. В 1918 году она находилась в Ливадии вместе с членами императорской фамилии и оттуда была эвакуирована за границу. В альбоме Е.А. Ольхиной, ныне хранящемся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, есть фотография, где она снята рядом с князем Юсуповым... Вряд ли бы она поверила, что в церковной среде есть люди, готовые прославлять Распутина в лике святых...

Однако сегодня в одной из епархий Русской Православной Церкви уже есть женский монастырь, в котором регулярно служатся молебны «святому старцу» Григорию...

Речь, разумеется, не о том, чтобы призвать правящего архиерея к каким-то прецедентам в отношении этого монастыря и тем самым подтолкнуть его насельниц окончательно уйти в раскол. Но понять, что в церковной среде никаких предпосылок к почитанию Гри-

гория Распутина не было, и истоки его лежат в сфере политических иллюзий, совершенно необходимо.

О том, что этих предпосылок на самом деле не было, можно заключить и из книги Ричарда Бэттса «Пшеница и плевелы»²⁹. Правда, заявленная на ее титульном листе «беспристрастность» выдержана не вполне последовательно: автор заметно превозносит духовника царской семьи архиепископа Феофана (Быстрова) и вменяет ему в заслугу выступление против такого «духовного недуга» как «сергианское и евлогинское уклонения от прямого пути православия» (с.218).

Как мы помним, именно Феофан «прямым путем» ввел Григория Распутина в семью императора, о чем впоследствии стал сожалеть, тогда как будущий патриарх Сергей (Страгородский) не испытывал в отношении «старца» ни малейших иллюзий. Политическая и богословская трезвость Сергея не находила понимания и сочувствия у многих. Его имя и по сей день вызывает раздражение у поклонников софиологии, схоластического юридика, мнимо-православного цезарепапизма и злобствующего антибольшевизма. Но невозможно сомневаться, что если бы в свое время трезвость Сергея возобладала над прелестной увлеченностью Феофана, у русской монархии были бы более благоприятные перспективы...

За почитанием Григория Распутина стоят монархические иллюзии, которые одновременно проникнуты ненавистью к делу патриарха Сергея.

Невозможно пройти мимо того обстоятельства, что лет десять тому назад словечко «сергианство» было в употреблении у части православного духовенства, и однажды мне даже прямо пришлось спросить одного уважаемого ныне здравствующего протоиерея, в какой юрисдикции он находится... Спустя год-полтора он доверительно сообщил мне, что «удержал» одного собрата от перехода в Зарубежную Церковь...

Монархическое поветрие в современном православии, во всех основных чертах сходное до неразличи-

мости с идеологией «Богородичного центра» и имеющее своей крайней формой выражения прославление Григория Распутина, коренится в политических иллюзиях и пристрастиях определенных эмигрантских кругов. Их симпатии во время Второй мировой войны были на стороне генерала Власова, воевавшего против Советской Армии. Военным священником во власовской армии был протоиерей А. Киселев³⁰, в 1970-х годах игравший заметную роль в подготовке канонизации царской семьи Русской Зарубежной Церковью... Монархическая идея уже тогда была плотно упакована в одну гуманитарную посылку вместе с «демократизацией» и «приватизацией»...

* * *

Причислив к лику святых великую княгиню Елизавету Федоровну и священномученика митрополита Владимира, на судьбе которого сказались интриги распутинского кружка, Русская Православная Церковь не может не отнестись с **особенным** вниманием к их оценкам того, что происходило при дворе последнего русского императора.

Позиция великой княгини, находившейся с царской семьей в ближайшем кровном родстве, поистине изумляет своей непреклонностью и дерзновением. Можно без преувеличения сказать, что она молитвенно укрепляла тех, кто вел борьбу с Распутиным.

В 1912 году один из ее близких знакомых, доцент Московской духовной академии М. Новоселов опубликовал брошюру, обвиняющую Распутина в хлыстовстве. Книжка была конфискована полицией, а ее рукопись уничтожена. Царь и царица считали Елизавету Федоровну причастной к изданию этой брошюры...

На другой день после убийства Распутина она писала царю, стремясь **оправдать** деяние своего воспитанника Феликса Юсупова:

«...Мой маленький Феликс, я знала его еще ребенком, который всю свою жизнь боялся убить даже

животное [...] И я представляю себе, через что он должен был пройти, чтобы совершить такое деяние, и как, движимый патриотизмом, он решился спасти своего суверена и страну от того, что причиняло страдания всем [...]».

18 декабря в телеграммах на имя великого князя Дмитрия Павловича и княгини Юсуповой она подтверждает свою оценку этого деяния как патриотического акта:

«ДА УКРЕПИТ БОГ ФЕЛИКСА ПОСЛЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО АКТА, ИМ ИСПОЛНЕННОГО»;

«ВСЕ МОИ ГЛУБОКИЕ И ГОРЯЧИЕ МОЛИТВЫ ОКРУЖАЮТ ВАС ВСЕХ ЗА ПАТРИОТИЧЕСКИЙ АКТ ВАШЕГО ДОРОГОГО СЫНА. ДА ХРАНИТ ВАС БОГ»³¹.

Не приходится сомневаться, что такую же позицию занимал и Великий Князь Николай Николаевич (1856—1929), смещенный императором с поста верховного главнокомандующего. По свидетельству Дж. Бьюкенена, в начале войны Распутин «телеграфно просил разрешения приехать на фронт благословить войска, на что великий князь ответил: «Приезжайте! Я вас повешу»»³².

* * *

Русский человек доверчив и к своей истории «не любопытен». Свойственные ему чувства сострадательности и справедливости легко использовать на этом фоне для монархических внушений.

Но Церковь — не политическая партия, и дело ее — дело спасения.

Прославляя подвижников благочестия, она дает миру несомненные свидетельства о явленной в них силе Духа Божия, о достойном подражания пути их земного служения.

Для постановки вопроса о прославлении Григория Распутина и венценосной семьи, которую он в меру своего разумения пытался духовно окормлять, в Русской Православной Церкви нет и не может быть никаких предпосылок.

Эта извне навязываемая сектантская идея, своего рода «коллективный гипноз», нацелена на разрыв преемственной связи с первосвятительским служением патриархов Тихона, Сергия, Алексия и Пимена, подчинение русской иерархии «неврежденному» монархическому эмигрантскому епископату и измену духовным идеалам великой княгини Елизаветы Федоровны, священномученика митрополита Владимира и всех донныне прославленных святых, в земле Российской просиявших²⁸.

В сентябре 1999 года на заседании Круглого стола по проблеме канонизации царской семьи, проходившего в Издательском отделе Московского патриархата, мною было высказано несколько неперемных условий любого акта прославления святых, с которыми согласились все участники заседания.

1. Святые Христовы для своего прославления не нуждаются в применении насилия и оскорблений по отношению к членам Церкви, высказывающим сомнения в правомерности акта канонизации.

Между тем, профессору А.И. Осипову уже грозил расправой некий «съезд казаков», В. Саулкин в передаче радиостанции «Радонеж» обвинил его в «неправославии», а В. Капитанчук в «Независимой газете» — в «дремучем невежестве», и эта организованная кампания имеет тенденцию к расширению.

2. Святые Христовы для своего прославления не нуждаются в искажении и замалчивании исторических фактов.

Между тем, многочисленные публикации последних лет представляют собой именно односторонне-тенденциозную картину жизни императорской фамилии, рассчитанную на слепое доверие и историческое невегласие.

3. Канонизация святых не может предполагать изменения церковного учения и «развития догматов».

Между тем, в публикациях сторонников канонизации царской семьи настойчиво проводится идея «мо-

нархической государственности» как составной части церковного учения, воспроизводится восходящая к немецким мистикам XVIII века теория о предназначении русского царя играть роль «Удерживающего» Антихриста, искажается учение о таинствах (призывы к покаянию за чужие грехи, подмена учения о личном спасении идеей спасения государства и т. д.).

4. *Канонизация святых не может проводиться в преддверии имеющего последовать за ней церковного раскола.*

Между тем, сегодня отрицательно или с недоверием относится к идее канонизации молчащее большинство (мнение которого и выражается, в частности, в выступлениях проф. А.И. Осипова).

Факт почитания императорской семьи частью православных общин сегодня также неоспорим, но Комиссия по канонизации святых при Священном Синоде, к сожалению, так и не попыталась разобраться, каким образом, под чьим влиянием это почитание складывалось.

В своем выступлении в газете «НГ — Религия» (декабрь 1999) В. Капитанчук не оставляет никаких сомнений по этому поводу. Если не осуществить акт канонизации царской семьи, — утверждает он, — это приведет к расколу... — с Зарубежной Церковью...

В том то и дело, что сама по себе идея канонизации царской семьи есть продолжение и углубление раскола, вызванного позицией иерархов Русской Зарубежной Церкви еще в 1920-х годах. Отказ от канонизации повлечет за собой только формальный переход в юрисдикцию Зарубежной Церкви тех, кто внутренне уже давно разделяет ее идеологию.

Москва, 1999

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В сборнике ошибочно стоит: «М. Антонова»

² Объективный разбор методов О.А. Платонова дан в книге: Соловьев О.Ф. Массонство в мировой политике XX века. М.: РОССПЭН, 1998. С. 210—212.

³ Клыков В.М. Берегите веру православную. — «Славянское единство», 11 ноября 1998 года.

⁴ См. подробнее: Гаврюшин Н.К. По следам Рыцарей Софии. М.: СТАР ИНТЕР, 1998. С. 121—122

⁵ Флоренский П.А. Предполагаемое государственное устройство в будущем. // Литературная учеба, 1991, №3. С. 101—102, 108—110.

⁶ Вот, например, известные слова А.С. Хомякова: «Церковь — авторитет», — сказал Гизо в одном из замечательнейших своих сочинений; а один из его критиков, приводя эти слова, подтверждает их; при этом ни тот ни другой не подозревают, сколько в них неправды и богохульства. Бедный римлянин! Бедный протестант! Нет: Церковь не авторитет, как не авторитет Бог, не авторитет Христос; ибо авторитет есть нечто для нас внешнее. Не авторитет, говорю я, а истина и в то же время жизнь христианина, внутренняя жизнь его; ибо Бог, Христос, Церковь живут в нем жизнью более действительною, чем сердце, бющееся в груди его...» — Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. Т.2. М., 1994. С. 43—44.

⁷ Тихомиров Л. Из дневника. // Красный архив, 1936, №1 (74). С. 175.

⁸ Протопопов А.Д. Записка о верховной власти. // Падение царского режима. Т. IV. Л.: ГИЗ, 1925. С. 8—9.

⁹ Красный архив, 1936, т.1. С. 182.

¹⁰ Красный архив, 1936, т.1. С. 171

¹¹ Красный архив, 1936, т.2 (75). С. 174—175.

¹² Шульгин В.В. Дни. 1920. М.: Современник, 1989. С. 133, 151, 154.

¹³ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания. М.: Моск. рабочий, ВПМД, 1994. С. 258—261

¹⁴ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Военное изд-во, 1983. С. 229—230

¹⁵ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т.2. Новосибирское книжное изд-во, 1959. С. 272—273. Здесь уместно будет также уточнить, как полковник Игнатъев воспринял отречение Николая II от престола:

«...Он ведь отказался от России. Он нарушил клятву, данную в моем присутствии под древними сводами Успенского собора при короновании.

Витиеватые слова манифеста, оправдывающие отречение от престола, для меня не убедительны. Русский царь “отрекаться” не может.

Уж иа что жалкой фигурой казался мне всегда Павел I, но и тот нашел в себе мужество сказать в последнюю минуту своим

убийцам — гвардейским офицерам, предлагавшим ему подписать акт об отречении: “Вы можете меня убить, но я умру вашим императором”, — и он был задушен, а его преемник, Александр I, только благодаря этому и смог, пожалуй, беспрепятственно вступить на престол.

Николай II своим отречением сам освобождает меня от данной ему присяги, и какой скверный пример подает он всем нам, военным! Как бы мы судили солдата, покинувшего строй, да еще в бою? И что же мы можем думать о “первом солдате” Российской империи, главнокомандующем всеми сухопутными и морскими силами, покидающем в разгар войны свой пост, не *помышляя даже о том, что случится с его армией?*» (там же. С. 285).

¹⁶ Кобылов А.Н. Мои воспоминания. Л.: Судостроение, 1979. С. 212.

¹⁷ Цит. по: Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М.: Междуна-родные отношения. 1991. С. 336.

¹⁸ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т.1. М.: Изд-во поли-тической литературы, 1991. С. 229.

¹⁹ Бьюкенен Дж., цит. соч.. С. 159.

²⁰ Пришвин М.М. Дневники. 1914—1917. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 238, 267, 307—308.

²¹ Меньшиков М.О. Дневник 1918 года. // Русский Архив, Т.IV.М.: Студия «ТРИТЭ», 1993. С. 169. Нельзя оставить без внимания и связанные со слухами об убийстве Николая II размышления М.О.Меньшикова по поводу отречения императора от престола и его последствий. 10 (23) июня он записывает:

«В “Молве” настойчивые слухи об убийстве Николая II конвоировавшими красноармейцами. И наследник будто бы умер 2 недели тому назад. Все возможно в эти трагические времена. Жаль несчастного царя — он пал жертвой двойной бездарности — и собственной, и своего народа. Будь он или народ или, еще лучше, оба вместе поумнее, не было бы никакой трагедии. В “Молве” рассказывается между прочим басня, будто Николай II был очень огорчен, узнав, что “Новое Время” переменяло фронт, что М.О. Меньшиков и Пиленко сделали республиканцами. Если это правда, то что же! Стало быть Николай читал мою статью “Кто кому изменил?”. В ней я доказывал, что не мы, монархисты, изменники ему, а он нам. Можно ли быть верным взаимному обязательству, которое разорвано одной стороной? Можно ли признавать царя и наследника, которые при первом намеке на свержение сами отказываются от престола? Точно престол — кресло в опере, которое можно передать желающим. Престол есть главный пост государственный, высочайшая стража у главной святыни народной — у народного величия. Царю вручена была не какая-либо иная, а национальная шапка, символ един-